

все жители. Я не собираюсь обманывать, не собираюсь лгать. Я расскажу вам всю правду, которую узнал от тех, кто это пережил. А поскольку я буду говорить только правду, в ней, пожалуй, будет не так уж много реального.

Теперь вы предупреждены.

У проводницы призраков

Вы наверняка проходили мимо двери в контору Фелисите. Она за углом от чайной, на типичной улочке Ниццы, неотличимой от своих соседок. Если прислушаться, то во время сиесты можно услышать вдалеке шум порта и рокот прибоа.

В день, когда я нахожу эту дверь, идет такой сильный дождь, что весь город грохочет, как гигантский барабан. Как сегодня. На шпилях ключьями висят облака, не видно даже часов над черепичными крышами. Булыжные мостовые покрыты прозрачным сиропом. Из водосточных труб хлещут потоки; торговцы сбежали с рынка, оставив позади потемневшие мимозы и кусочки рыбы, к которым слетаются чайки. Вода струится по дверям часовен и магазинчиков, капает с ручек, молотков и звонков.

Но на двери, сокрытой в этой улочке, дождю не за что зацепиться. Ни ручки, ни молотка или кольца. Ни замка. Только знак на стене подрагивает под порывами ветра. Выцветший, искривленный, он похож на вывеску парикмахера. Или на буханку у входа в пекарню.

Это мертвая голова.

Череп в цилиндре, к пустой глазнице приложена лупа.
А внизу написано так мелко, что приходится щуриться:

ДЕТЕКТИВ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ
НА РОЗЫСКЕ ПРИЗРАКОВ,
ПОТЕРЯННЫХ ДУШ И БЛУЖДАЮЩИХ ДУХОВ

Входите без стука

Этот вход — для привидений.

Для нас с вами есть другая дверь. Нужно пройти вдоль стены здания, мимо окна, у которого мы сидим, и направиться к главному входу во дворец Каис-де-Пьерла.

С порога открывается вид на всю Кур-Салея. Ржаво-песочные фасады, ставни цвета бурного моря, шафрановая часовня часовня Братства Черных Кающихся Грешников, пальмы, которым здесь не место, но которые нравятся туристам, а за спиной — окутанный тишиной старый дворец в отслаивающейся краске. Память об очень богатых людях, которые очень быстро вымерли, оставив после себя только этот огромный увядший лютик.

Жители Ниццы и художники покинули дворец, а Фелисите там поселилась. Или наоборот, поди разберись. Она искала место, которое было бы выше толпы.

Дверь со стороны Кур-Салея оснащена как полагают: молоток, замок, звонок. Однако, войдя, нужно подняться на четвертый этаж, а лифт работает через день. Порой его решетчатые металлические двери заклинивает или перестают работать кнопки, и приходится лезть по лестнице, которая чем выше, тем уже.

Честно говоря, если вы можете воспользоваться лифтом, не пренебрегайте им. Хотя бы не вспотеете, взбираясь вверх. Там больше нет Фелисите, которая

объяснила бы, что от вас плохо пахнет, но сделайте это из уважения к ней. Она не любила, когда к ней входили потные люди. После их прихода она уже не могла наслаждаться чаем. В доме Фелисите всегда дымился чай, независимо от того, пила она его или готовила.

Заваривая напиток, она следовала ритуалу, делаясь похожей на балерину в музыкальной шкатулке.

Сперва наполняла чайник для кипячения. Затем, дождавшись, пока забурлит вода, выбирала один из десятков чайников, выстроившихся вдоль стен, по комодам и на подоконниках. Чайники были всевозможных форм: тыква с ручкой из овощей, дама в пышных юбках, рояль, крытая соломой хижина, лебедь. Круглые, овальные, грушевидные, медные, керамические, чугунные, фарфоровые, глиняные, вытянутые и куцые, белые, расписные, позолоченные... Словом, вы поняли: чайников у нее водилось великое множество. Следом Фелисите доставала чашки. Тут она была гораздо менее привередлива: брала первые подвернувшиеся и ставила на блюдца, которые с ними не сочетались.

Но конечно, не для призраков.

Сервиз для них умещался в чемоданчик размером со словарь. Когда Фелисите его открывала, было видно, что отделка внутри имеет цвет бьющегося сердца. Чашки, блюдца, ложки дремали в своих бархатных гнездах. Она вынимала один прибор за другим, как хрупкие яйца, и ворсистая ткань тихо шелестела. На фарфоре синими линиями были нарисованы драконы и водяные лилии.

Довольно старомодно даже для самой дряхлой из ваших двоюродных бабушек и достаточно возвышенно, чтобы заставить вас уважительно замолчать.

Фелисите бросала в заварочный чайник несколько бутонов страночая, и они звонко стучались о дно. Когда чайник с кипятком затягивал нужную ноту, она снимала его с огня. Наблюдала, как листья распускаются, расправляются в горячей воде, окутывая поднос полупрозрачным паром.

Затем уносила поднос в чайную и ставила так, чтобы посетитель мог сесть лицом к окнам. Летом, когда внизу было так жарко, что плавился асфальт, она больше всего любила сидеть в прохладе наверху своей башни, как чайка в гнезде, с видом на море, и пить чай. Тайком доставала из ящика пакет, в котором между флуоресцентными картинками, напечатанными на целлофане, угадывались очертания ожерелий из конфет. Откусывала розовые и белые бусины, похожие на маленькие кубики льда, и откладывала голубые.

А если на улице шел дождь, настоящий ниццкий дождь, ей дышалось еще легче.

Здесь дождь не накрапывает. Он не для вида. Дождь избавляет Ниццу от отдыхающих, от гудков, от машин, припаркованных в три ряда, от глубокой синевы моря в погожие дни, он очищает город, смывая аляповатые наслоения открыточных красок и возвращая серый цвет чистого холста.

Фелисите всегда носила угольно-черную шляпу, шейный платок, блестящий, как отточенное лезвие, блузку цвета града, брюки с оттенком гудрона, сапоги на стальных каблуках и плащ из аспидно-черной шерсти. Ее тень летела по тротуарам, как грозовая туча.

А если спросить, не хочет ли она надеть лиловый джемпер или подкрасить губы, она улыбалась так, что спрашивающему начинали сниться кошмары про морозилку.

Серый был очень к лицу Фелисите. Чтобы оценить его — и ее — оттенки, нужен незаурядный ум. Потому что Фелисите не была славной и не была не от мира сего, как решила ее мать. Она была грозной.

Второе предупреждение

Прежде чем продолжить, хочу сообщить вам две вещи о призраках.

Во-первых, вы, возможно, слышали в ночных передачах на странных телеканалах, что призраки бродят в определенных местах, к которым прикованы. Что после смерти они привязаны к месту, которое было значимо для них при жизни.

Не представляю, откуда репортеры этих каналов черпают информацию, но они абсолютно правы.

Призраки прячутся именно здесь, в этом слепом пятне памяти. В минутах своего стыда, своей вины, своего томительного сожаления. В своих правдах, скрытых под масками. Фелисите сделала это своей работой — улавливать раскаяние живых, чтобы дать призраку уйти на покой.

Во-вторых, призраком становится не каждый. Для этого нужно, чтобы смерть-грубиянка прервала вас на полуслове. Если хотите уйти с концами, а не блуждать в отчаянии вечно, оставьте кому-нибудь — желательно тому, кто любит вас настолько, чтобы выложить кругленькую сумму, — телефон одного из коллег Фелисите. Потому что проводник призраков должен договорить фразу, посреди которой вы замолкнете. Произнести ее

вслух и так, чтобы она дошла до человека, которому предназначалась.

Предупреждаю по-дружески. По крайней мере, теперь вы знаете, что умирать надо молча.

Мраморный лес

Анжель-Виктуар, например, и не думала молчать. Графиня, которая некогда жила здесь, уже два века говорит не переставая. Фелисите слушает ее, не вникая, поскольку та целыми днями только болтает и жалуется. Жалуется на скуку, на чай, который на ее вкус заварен недостаточно крепко, на скучную педантичность Фелисите, на то, что Фелисите все еще занята уборкой, вместо того чтобы прийти поболтать, на то, что Фелисите в десятый раз наводит порядок в квартире, на то, что Фелисите сует руку ей в живот, поправляя подушку на канапе. Когда графиня спрашивает, зачем так усердно полировать мебель, которая и без того блестит, проводница отвечает:

— Не люблю, когда видят мой беспорядок. Вдобавок скоро придет клиент.

— Вот как! И кто же это, позвольте узнать?

— Председатель регионального совета.

— Регионального совета! Значит, он из Марсея...

Бедные мы, бедные.

Идет лето 1986 года. Фелисите сорок шесть лет, у нее алые волосы. Карминное каре венчает удлиненный серый силуэт, напоминая погасшую спичку.

Она поправляет чайники, дремлющие на этажерках, складывает стопками раскиданные повсюду чашки

и книги, еще раз протирает стол, собирается закрыть дверь спальни, берет с прикроватного столика овальное зеркало, чтобы проверить, ровно ли сидит шляпа и не помялся ли костюм.

— О да, моя дорогая, вы, как всегда, безупречны. Теперь послушайте меня: я бывала в Марселе. Там вонь на улицах и страшный ветер. Ваш клиент привезет сюда холеру. Я запрещаю вам открывать ему дверь.

— Поздно, он уже здесь. Замолчите.

Внизу, на Кур-Салея, народный избранник выходит из своего седана. Задирает голову, рассматривая дворец, о котором привык думать, что там никого нет. Никто не хочет иметь в соседях женщину, которая разговаривает с призраками. Впрочем, поймите меня правильно. Жители Ниццы не то чтобы боятся домов с привидениями — они вообще ничего не боятся, — просто у них хватает здравого смысла держаться от таких мест подальше, вот и все.

Мужчина замечает за шторами на четвертом этаже сыщицу, которая его поджидает, и входит в здание.

Когда лифт поднимается на площадку, Фелисите видит на журнальном столике нитки с голубыми бусинами — все, что осталось от разноцветных ожерелий, которые она перебирала десять минут назад. Сыщица забрасывает обкусанные резинки под канапе и с достоинством усаживается в свое кожаное кресло.

По-видимому, кто-то вручил председателю меморандум с нужной информацией: он появляется без шума, разувается, проходит по квартире и садится на деревянный стул. Перед ним стоят чашка и чайник для кипятка и лежат небольшие кучки коричневых листьев. Фелисите не встает, чтобы поприветствовать его.

В прошлом месяце у клиента умерла мать. В ее вещах он нашел свидетельства жизни, о которой не знал. Тайная жизнь с первой семьей, до него и его отца, целое прошлое, о котором сын и не подозревал, скрытое за маской покорной и заботливой матери. Он ищет ответов и объяснений. Как можно догадаться, детективы, которые занимаются розыском живых, не смогли ему помочь.

Фелисите наблюдает за этим человеком, которого газеты прозвали «акулой побережья», и не может понять, почему его все боятся. Здесь, в ее чайной, сидя под чайниками, которые смотрят на него пренебрежительно, в носках с дыркой на правом мизинце, он кажется ей похожим на ребенка, заблудившегося в супермаркете.

— Предоплата?

Председатель совета достает из кармана сложенный чек и кладет перед собой. Фелисите не проверяет сумму:

— У вас есть вопросы. Я слушаю.

Мужчина прочищает горло и ерзает на стуле.

— Вы... охотница за привидениями?

— Охотница! Вот еще! Я что, фазан?!

Анжель-Виктуар на канapé задыхается от возмущения.

— Людям, и живым и мертвым, редко нравится, когда их сравнивают с дичью, — подтверждает Фелисите. — Нет, я детектив, специализирующийся на призраках, и проводница призраков. Я нахожу их и, если они того пожелают, провожу к более... окончательной смерти.

Гость косится влево, машет руками, кашляет.

Фелисите обводит взглядом разложенные на столе чаи. Все они способны вытянуть у этого человека правду, которую он знает, не подозревая об этом, но каждый действует по-своему. Эти страннóчи, пахнущие мхом и ветром, собирает чаеслов в долине странных вещей

и поставляет Фелисите по коробке из каждого места: чай с берегов озера Мильфон, водоросли из озера Фенестр, чай с перевала Коль-дю-Дьябль, из долины Маски, с перевалов Коль-де-ла-Куйоль, Тет-де-ла-Лав... и, конечно, чай из долины Чудес. Тот, что растет в укромном уголке на Мон-Бего и заставляет мертвых говорить.

Фелисите точно знает, что подать «акуле». Озеро Дрожи. Она включает чайник — и вода начинает потрескивать. Фелисите поворачивается к стене, где ждут десятки ее чайников, и дважды хлопает в ладоши.

Ничего не происходит.

Фелисите улыбается клиенту и хлопает опять. Громче. Чайники не двигаются. Председатель оглядывается, но никого не видит. Задумывается, не ему ли она аплодирует.

Чайники Фелисите всегда были такими. Непослушные, как подростки. Она не знает, почему у нее нет власти над собственным стадом, но каждый раз огорчается. Сыщица встает, берет один из чайников, выполненный в виде средневековой крепости — винтовая башенка вместо носика, подъемный мост вместо ручки, — и ставит на стол. Выбирает блюдце, на котором лежат чайные листья с озера Дрожи, вдыхает их аромат и высыпает их в чайник.

Не глядя спрашивает у председателя, который пытается левой ногой прикрыть дыру в носке на правой:

— Вам объяснили, как я работаю?

— Мне сказали только, что мы поговорим.

— Вы выпьете, и мы поговорим. Вернее, говорить будете вы.

— Я уже передал вам все документы...

— Тихо. Замолчите.

Клиент поднимает брови, хочет ответить, что в Марселе с ним так не обращаются, что по ту сторону Вара

наверняка найдутся свои проводники призраков, но сдерживается. Что-то в позе Фелисите, которая прислушивается к чайнику, не дает ему нарушить молчание. Можно подумать, от бульканья воды зависит будущее мира.

Вдруг она встает и наливает воду в заварочный чайник. Кипяток шипит, поднимается пар. Пока листья распускаются под действием жара, Фелисите закрывает глаза, мысленно считает до ста шестидесяти пяти и наконец наполняет чашку золотистой, лениво колышущейся жидкостью.

— Можно мне немного сахара?

Проводница делает вид, что не услышала.

Если напиток кажется председателю горьким или безвкусным, то он ничем этого не выдает. Фелисите складывает руки на груди и опускается в кресло. Теперь начинается настоящая работа.

— Расскажите мне всё.

— Всё?

— Начните с образа, который представляется вам в первую очередь, когда вы думаете о матери.

Чай с озера Дрожи уже успокаивает его. Он дышит ровнее и не сводит глаз с доньшка чашки. Через несколько секунд сами собой приходят слова:

— Это была женщина сдержанная. Она казалась мне счастливой.

— Пейте, пока чай не остыл.

Он пьет. С каждым глотком мужчина все глубже погружается в себя, и мало-помалу незначительные воспоминания, которые на самом деле интересуют Фелисите, поднимаются, как пузырьки, на поверхность его памяти. Самые банальные моменты возвращаются к нему во всей своей остроте и точности. Вот какао-порошок падает

с ложки в горячее молоко. Вот первого ноября он сидит перед телевизором вдвоем с отцом. Бежевая коробка, в которой он носил полдник. Ткань тапочек, которые приходилось надевать, чтобы подняться наверх. Запах полированных перил на лестнице. Шершавые обои в коридоре под его ладонями. Покрасневшие глаза матери 31 октября. Бахрома на потолочном светильнике в спальне родителей. Букет сухоцветов на прикроватном столике, букет сухоцветов, который становился все меньше и меньше, с каждым годом все более облезлый, букет, от которого, когда ему исполнилось тринадцать, остался всего один цветок. Пустая ваза 1 ноября, когда ему было пятнадцать. И его мать с ними, перед телевизором, смотрит сквозь экран.

— Куда она уходила каждый год на 1 ноября?

— Отец говорил, что она навещает мою бабушку. Я спрашиваю себя, знал ли он о первом муже.

Фелисите ищет тайну, нарушение равновесия. Дело проводницы призраков — выявить мелкие грешки мертвых, о которых живым говорить неудобно, потому что смерть-де следует уважать. Она ничего не может с этим поделаться. Ничего другого Фелисите не умеет.

Но в глубине души что-то шепчет ей: неправда. Ты умеешь не только это. Ты смогла бы. Те прерванные исследования чайных кустов всего мира. Те сорта, что ты так и не привезла с голубоватых континентов, по которым путешествуют чаесловы. Та жизнь без привычек, которая ушла вместе с сестрой почти тридцать лет назад.

Тридцать лет.

Быть может, Агония умерла. Да, наверняка. Вероятно, в ту же ночь, когда ушла. Или вскоре затем, потому что она исчезла среди деревьев в лесу и не вернулась. Агония

не узнала, что после той ночи их мать уже никогда не была прежней. Что она помутилась рассудком и начала расщепляться.

Фелисите качает головой. Эта горечь в глубине души — ребячество. Каприз, не более. Мать никогда не жаловалась, что приходится вытирать дочери рот и попу. И сейчас, после тридцати лет терпения и заботы, Фелисите не поддастся трусливому себялюбию и жажде свободы, как поддалась сестра. Но право слово, зачем снова думать об Агонии? Сестра уже отняла у нее мать. Незачем отдавать ей еще и выгодного клиента.

— Вы сказали, что ваша мать возвращалась в тот же день. Значит, уходила недалеко. Она ездила на машине?

— Нет, она не умела водить. Наверное, садилась на автобус в конце улицы. Остановка «Шанфлери»*. Странное название. В этом районе никогда не бывало ни цветов, ни полей. Только одинаковые серые дома, которые стояли бок о бок, и так до границы соседнего города.

— Куда ходил этот автобус?

Клиент сразу же начинает перечислять названия остановок, как будто у него перед глазами карта. «Шанфлери». «Роша». «Больница Святого Иосифа». «Бателье». «Бателье, левый берег». «Имени Руже де Лиля». «Кладбище».

Через час Фелисите и ее клиент выходят из автобуса на остановке «Кладбище». Она ведет его через мраморный лес к ничем не примечательной могиле, на которой только букет сухих цветов. Выцветший, но полный, без недостат, он лежит под табличкой, на которой читается:

Моему любимому сыну

* В переводе с французского «Цветущее поле». *Прим. ред.*

На могильной плите сидит призрак пожилой женщины, которая не отвечает на вопросы Фелисите. Ее затуманенный взгляд устремлен на угасшие жизни. Проводница достает свой чемоданчик для мертвых и термос, в котором температура воды равна восьмидесяти трем градусам, и заваривает чай из долины Чудес. Мать клиента невольно тянется к фарфору, ожидая, когда ей дадут чашку.

Показать призраку предмет, которым он может пользоваться, — все равно что помахать перед кошкой веревочкой, к которой привязана бумажка. Такие предметы служат якорями для неуспокоенных душ. Они возвращают призракам плотность — почти жизнь. Призраки чувствуют их издалека и приходят к ним, если могут. Вот почему чайная всегда полна невидимых клиентов.

Вскоре, когда чай подействует, покойница расскажет о своем первом браке, о первом ребенке, о маленьких легких, которые не могли дышать, о неделях в белой комнате, о букете, который она тогда, 1 ноября, не положила на гроб, потому что нельзя выложить все свое горе сразу, а если класть по цветку за раз, будет не так больно. Расскажет о браке, зашедшем в тупик, о втором муже и о боли, которую легче переносить в одиночестве.

Фелисите спросит, что и кому она говорила, умирая, какая прерванная фраза обрекла ее на участь призрака. Предложит, если та желает, договорить за нее последние слова, чтобы их услышал тот, кто должен. Но возможно, старушка предпочтет остаться рядом со своими поблекшими цветами.

Успокоенный этими ответами, человек-акула перестанет напоминать потерявшегося ребенка. Он вернется в Марсель, а Фелисите — в Ниццу. Там она обналичит чек.

В своем увядшем дворце в конце Кур-Салея она откусит от конфетного ожерелья, заварит себе чай — тот, с озера Пти, который помогает ей блуждать по тропинкам прошлого, — и выпьет целый чайник, чтобы вспомнить свою мать такой, какой Фелисите ее помнит, когда Агония еще не расщепила ее и она была просто матерью, не исчезла за множеством лиц и голосов, не делила свое тело с пятьюдесятью шестью незнакомцами и отзывалась только на свое настоящее имя — Кармин.

Перед сном, когда строки в книге начнут расплываться, Фелисите повернется к прикроватному столику, на котором нет семейных фотографий. Не глядя найдет рядом с будильником овальное зеркальце в серебряной оправе. И поскольку она уже слишком взрослая, чтобы обнимать по ночам мягкую игрушку, заснет вот так, положив ладонь на обратную сторону зеркала, где выгравировано:

Моей Фелисите от мамы

Последнее предупреждение

Фелисите умерла после того, как рассказала мне эту историю. И она постаралась в свой последний час удержать язык за зубами, так что даже не мечтайте. Ее больше нет, нигде и ни в каком облике.

Ее квартиру — вместе со всем особняком, который жители Ниццы обходили стороной, считая, что от него пахнет смертью, — выкупили, отремонтировали и населили живыми, громкоголосыми людьми. Нет, это не итальянцы. Кажется, русские или англичане. В квартале их

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

любят не больше, чем любили Фелисите. Это немного утешает.

По крайней мере, пахло от нее хорошо. После кончины она пахла белым чаем и флердоранжем. Не смертью, нет.

Но то, что я хочу рассказать вам, пока идет дождь, — это не конец истории, а начало. Почему в августе 1956 года деревню Бегума внезапно покинули все жители, кроме одного человека? Из-за чего обрушились стены, если в округе не было ни бурь, ни подземных толчков? Как лиственницы проломили крыши домов, если граница леса на горе довольно далеко?

Конечно, началось все с рождения двух сестер. Это вы уже знаете. Но порой история существует не с начала. Ее корни обнаруживаются в прошлом, высоко на дереве, и тогда приходится спускаться по стволу, подниматься еще на несколько ветвей, возвращаться к узлам внизу, подбирать сухие листья и срывать свежие плоды, чтобы в полной мере постичь ее контуры и размах.

Эту историю мне рассказала Фелисите, поэтому она начинается с Фелисите. С того, что во вторник, 22 июля 1986 года, Фелисите отправилась в глушь к своей матери, как делала каждый вторник на протяжении почти тридцати лет, не подозревая, что увидит ее живой в последний раз.

Рубиновая корона

Цветочницы, обмахиваясь, сидят среди своих ведер под зонтиками на Кур-Салея, как вдруг в шуме рынка раздается громкое цоканье по мостовой. Приближается дама

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

на стальных каблуках. Быстро. Они выпрямляются, берут наугад по цветку. Тянут руки из тени.

В проходе, залитом белым светом, появляется Фелисите. Хватает на ходу — не замечая, у кого, — подсолнух, страстоцвет, гвоздику и удаляется с букетом, который похож не пойми на что, но понравится ее матери.

Цветочницы, отдуваясь, рассаживаются по местам и в который раз недоумевают, откуда в них такая почтительность — до мурашек, — если у них на эмблеме орел и они никого не боятся. Объясняют друг другу, что все дело в мрачном дворце Каис-де-Пьерла с его облупившейся шафрановой краской и изуродованной лепниной. Чтобы жить там в одиночестве, нужно быть немного не в себе. Наверняка она наблюдает за ними с верхнего этажа, откуда виден весь двор... Вот они и преподносят ей цветы, будто ставят свечи святым, — мало ли что.

За рулем своей лунно-серой «Пантеры» Фелисите проносится по улицам Старой Ниццы, сигналист в пробках на Английской набережной, притворяется, что не замечает призрака нищего близ горящего красным светофора, который продолжает просить подаяние на еду, хотя живые его не замечают. Ее багажник забит консервами, которых хватит на целый месяц. И влажными салфетками. Ее мать забывает мыться, когда дочери нет рядом, чтобы напоминать об этом.

Еще зеркало. Фелисите едва не оставила его дома. Но в последний момент перед отъездом вернулась в спальню и сказала себе: «Почему бы и нет? Стоит попробовать».

В последние месяцы Фелисите реже поднимается в горы. Разочарование, которое ждет ее наверху, стало невыносимым. Фелисите не знает, сколько еще продержится. Она уже немолода, и тени, которые отвлекли ее

во время беседы с последним клиентом, все чаще наби-
ваются к ней в голову.

Она снова сигналиит и злится на пешеходов. Это лучший способ подавить сильнейшее желание повернуть назад, которое одолевает ее на каждом перекрестке. Она не вправе. Не может оставить мать наверху, где та в одиночку сражается с наседающими чужаками. Именно мать объяснила ей, что представляет собой этот мир и как найти в нем свое место, подставляя плечо, когда Фелисите была нужна помощь. В своей простой деревенской жизни Кармин постигала мудрость прачек и пастухов, глубину звезд. Она знала все пустоты и впадины человеческой души, и в ней было что-то от феи.

А фею, даже бескрылую, даже старую и сошедшую с ума, нельзя оставить гнить в заброшенной деревне. Даже если она отказывается уйти оттуда.

Машина выехала из пробок. Сыщица направляется в глушь по той дороге, которую я вам описал. Фелисите уже не любит пейзажем: она слишком много лазала по этим ущельям, чтобы замечать рыжеватые отблески солнца на вершинах или гулкое эхо, отражающееся от скал. «Пантера» одиноко проезжает тоннель и мчит над пересохшей рекой. На каждом повороте консервные банки подскакивают в багажнике. До въезда в долину Чудес почти два часа пути, и за это время лишь одно место привлекает внимание Фелисите и неизменно вызывает одни и те же воспоминания.

Оно находится на дороге, которая ответвляется в сторону гор вскоре после Рокбийер-Вьё. На обочине. Там на нее всякий раз смотрит призрак темноволосой девочки — юбочка развевается на ветру, руки уперты в бедра. Всякий раз в дрожащем зеркале заднего вида Фелисите

замечает силуэт ребенка, который спускается с дороги к старому колодцу, скрытому за дикими оливами.

Маленькое привидение с дерзким взглядом напоминает ей о дне красных волос. Воспоминание разворачивается автоматически, словно память против воли хозяйки запускает короткометражный фильм.

В тот день у ее матери были глаза призрачной девочки.

Фелисите вернулась из школы еще более молчаливая, чем обычно. Если она заговорит, то расскажет правду, потому что не умеет иначе. А ее предупредили, чтобы держала язык за зубами. Именно поэтому она не торопится возвращаться в овчарню. Ждет, когда на кончиках ресниц высохнут слезы, а из голоса уйдет стесненная тяжесть, которая выдает, что она плакала.

Однако спрятать волосы ей не удастся. Если она придет поздно и света будет мало, возможно, мама не заметит разницы. А если та спросит, Фелисите просто ответит, что такими они отросли за день. И всё. В конце концов, это не ложь.

Навстречу по тропинке бежит сестра, вся в саже от кончиков пальцев до лба. Зажав рот руками, она выпучивает глаза. Фелисите качает головой, не сбавляя шага. Сестра встает перед ней:

— Как?

С ее губ слетает большая черная бабочка.

— Нани, я не скажу тебе как. Теперь, пожалуйста, дай мне пройти. И не забывай надевать намордник, если захочешь поговорить. Поняла?

Фелисите знает, что сестра ненавидит сделанный ею намордник, который удерживает бабочек во рту, из-за

чего они постепенно разъедают зубы. Но это все равно лучше, чем мамин кляп. К тому же в этот вечер у нее нет сил проявлять мягкость и сострадание.

Она смотрит на сестру, и ей приходит в голову идея.

Через пять минут Нани приносит ей сажу и помогает выпачкать волосы. Все пройдет как по маслу.

Положившись на свой непогрешимый план, Фелисите подходит к овчарне, а ее сестра взбирается по стропилам к дымоходу. Фелисите продумала то, что скажет: она хочет лечь пораньше, не поев, она не голодна, она устала. Мама едва успеет заметить, как дочь пересекает комнату. И ни о чем не узнает.

Внутри мама, спиной к двери, пишет свой вечный портрет. Когда Фелисите входит, Кармин останавливается и оборачивается.

— Ну и почему у тебя голова в саже? Надеюсь, в деревне тебя такой не видели...

Фелисите чувствует, как вся ее уверенность испаряется. Мама садится рядом и спрашивает, что случилось.

— Ты выглядишь так, будто встретила ведьму из пряничного домика, — шепчет она.

Тогда Фелисите смеется, но ее смех слишком похож на всхлип. Маленькой она больше всего боялась ведьмы из сказки про Гензеля и Гретель, которую мама читала ей на ночь.

— Иди сюда, милая. Я вымою тебе голову, и ты мне все объяснишь.

Фелисите не двигается:

— Я не хочу с тобой разговаривать.

— Вот как? И почему же?

— Потому что. Мне нельзя.

— Нельзя? — усмехается мать. — Ты дочь Кармин. Никто не может указывать тебе, что можно, а что нельзя. Кто вбил тебе в голову эту чушь?

Фелисите прикусывает изнутри щеку, чтобы не плакать, но тщетно. Правда вырывается наружу вместе со слезами и всхлипами: девочки в школе увидели ее белые волосы. И повыдергали.

Ее мать больше не смеется. Она смотрит на дочь, и в зрачках горит пламя, которое Кармин обычно приберегает для Агонии.

С тех пор как Фелисите исполнилось десять лет, у нее на голове становилось все больше серебряных прядей. Когда она вернулась в школу после каникул, над ней начали издеваться. Другие дети только и ждали какого-нибудь осязаемого повода, чтобы выплеснуть свое отвращение к странной девочке, которая разговаривала сама с собой и утверждала, что болтает с призраком папочки. Постепенно насмешки перешли в угрозы, а после обеда ее подстерегли за фонтаном во дворе школы и стали пучками вырывать волосы.

Но на каждую выдернутую белую прядь сразу же отросло десять новых.

Девочки занервничали. Они дергали Фелисите за волосы из стороны в сторону, словно перетягивали канат, пока у нее не пошла кровь и не прозвенел звонок на урок.

Теперь под копотью ее голова покрыта одними серебряными волосами, которые местами испачканы засохшей кровью.

Кармин целует ее в лоб и выходит из овчарни.

Она возвращается через час, когда уже стемнело. Местами ее одежда кажется обгоревшей. Она объявляет:

— Другие дети тебя больше не тронут, не заговорят с тобой, даже не посмотрят на тебя, даже не подумают о тебе, можешь быть совершенно спокойна.

«И совершенно одна», — думает Фелисите.

Мать бережно промывает и обрабатывает раны у нее на голове. Затем достает баночку с темно-зеленым порошком и, смочив его, наносит на голову дочери. Их лица отражаются в овальном зеркале.

— Я все равно хотела начать их красить, — говорит Кармин и покрывает свои волосы той же зеленоватой смесью, которая пахнет сеном.

Прополоскав и высушив волосы, мать и дочь снова подходят к зеркалу в серебряной оправе. Каштановые кудри Кармин окрасились в цвет красного дерева. Волосы Фелисите — гладкие, чуть ниже подбородка — стали пунцовыми, ярче углей в очаге, где огонь почти погас.

Отражение Кармин говорит отражению Фелисите:

— Слушай внимательно, что я тебе скажу, дочка. Больше никому не позволяй так себя обижать. Ты — мамина Фелисите. Если ты несчастна, мама тоже несчастна. И помни: душа всегда берет верх над лицом. Всегда. Деревенские девчонки — уродины. Почти у всех задницы шире триумфальной арки в Марселе. Но у тебя длинная шея, тонкая талия, а теперь еще и рубиновая корона. Это они должны перед тобой склоняться, Фелисите. Не ты перед ними. Теперь мама идет спать. Она очень, очень устала.

Девочки в школе больше никогда не смеялись над Фелисите. Один звук ее шагов пугал их до слез.

Пока ей не исполнилось пятнадцать, они с матерью проводили каждое субботнее утро вместе перед овальным

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

